

Глава 13

С глухим стуком Чэнь Цинъянь повалился с кровати. Не обращая внимания на боль, он из последних сил пополз к тому месту, где спал Ван Ин. Постель была ещё тёплой и пахла мыльнянкой. Муж был здесь всего мгновение назад — как же он мог исчезнуть так внезапно?

Несмотря на охвативший его ужас, Цинъянь не стал поднимать шум. С бледным, застывшим лицом он сел на пол, погружённый в тяжелые думы.

В это же время Ван Ин, находясь на своём Экспериментальном поле, пребывал в не меньшем смятении. Видит бог, он знал, как войти в это пространство, но понятия не имел, как из него выбраться!

Вокруг поля словно вырос невидимый прозрачный купол, удерживающий его внутри. Как бы он ни метался, Ван Ин не мог найти выхода.

«Что я скажу Чэнь Цинъяню, когда вернусь?»

«Поверит ли он мне, если я расскажу правду? Или примет за нечисть и решит, что меня нужно сжечь на костре по приказу властей? А может, просто выставит из дома, дав разводную... Пожалуй, это был бы лучший исход»

К счастью, пшеница на поле уже созрела. Даже если юноше придётся покинуть семью Чэнь, с голоду он не умрёт.

«Проклятье! Нужно было дождаться, пока тот крепко уснёт. Что же теперь делать?»

Минуты тянулись бесконечно. Из комнаты не доносилось ни звука, и Ван Ину было совсем не до жатвы. Он сидел на меже, и каждое мгновение казалось ему вечностью.

Наконец, после яркой вспышки белого света, он снова оказался в спальне.

В густой темноте их взгляды встретились. Ван Ин от волнения не мог вымолвить ни слова.

— Я...

Внезапно Чэнь Цинъянь крепко обнял его. На шею Ван Ина упала горячая слеза, заставив его вздрогнуть. Он прокручивал в голове множество сценариев, но такого исхода не ожидал.

По правде говоря, Чэнь Цинъяню было всего семнадцать лет. По меркам прошлой жизни Ван Ина — совсем ещё подросток. Должно быть, он просто до смерти перепугался. Юноша

осторожно похлопал собеседника по спине.

— Не плачь... Послушай, я всё объясню.

Цинъянь неловко отстранился и, отвернувшись, поспешно смахнул слёзы.

— Ты... ты какой-то дух? Или оборотень?

— Нет. Но у меня и вправду есть секрет. Если хочешь, я всё тебе расскажу.

Ван Ин не стал упоминать о перемещении душ — для человека того времени это было за гранью понимания. Он рассказал лишь об Экспериментальном поле.

— Ты ведь знаешь, что перед свадьбой я бросился в реку?

— Слышал от дяди Чэня... Говорили, ты не хотел выходить за меня, — тихо отозвался Цинъянь.

Ван Ин неловко кашлянул.

— Ну, тогда и впрямь не горел желанием. Но я не утонул, а когда пришёл в себя, обнаружил, что внутри меня скрыто поле.

— Поле? — переспросил муж, недоумевая.

Ван Ин вспомнил, что в складках его одежды запутались колосья. Он достал их и протянул Цинъяню.

— Именно. Настоящее поле, размером примерно в три му. Я посадил там немного пшеницы.

Чэнь Цинъянь вертел в руках колосья с совершенно растерянным видом. Он никак не мог взять в толк, где же может прятаться целое поле.

— Оно почти не отличается от обычных угодий. Разве что температура там всегда стабильная: ни слишком холодно, ни слишком жарко. Каждую ночь я могу входить туда, но могу оставаться там не дольше чем на один час.

Цинъянь слушал, затаив дыхание.

— И в то место можешь попасть только ты один?

— Судя по всему, да. С собой можно брать только инструменты, семена или другие неодушевлённые предметы. Живое туда не пронести.

Несколько дней назад Ван Ин ради интереса поймал пару сверчков и попытался пронести их в поле. Но внутри он обнаружил, что насекомые погибли, расплюснутые неведомой мощью до состояния плоской картинки, будто само пространство их раздавило. После этого он не решался на подобные опыты.

— Значит, только что ты был в том поле?

— Да. Думал, ты спишь, и не ожидал, что ты заметишь моё исчезновение.

После долгого молчания Чэнь Цинъянь сладко зевнул и пополз обратно к кровати. Ван Ин поспешно помог ему устроиться на подушках.

— Я буду хранить твою тайну... Но и ты не проговорись посторонним.

— Я понимаю. Скрывать сокровище — значит навлекать беду.

Цинъянь бросил на него внимательный взгляд.

— Иногда я сомневаюсь, и впрямь ли ты простой деревенский гэ'эр. Откуда тебе знать это выражение?

Ван Ин лишь коснулся кончика носа, скрывая улыбку.

— Просто видел в жизни чуть больше других.

Чэнь Цинъянь не стал расспрашивать дальше.

— Раз уж ты доверил мне свой секрет, я расскажу тебе, почему на самом деле не могу больше сдавать экзамены. Я не могу продолжать путь к чинам, потому что... меня уличили в списывании.

— Что?! — Ван Ин в изумлении округлил глаза.

— Разумеется, я этого не делал. Меня подставили.

Сон у Ван Ина как рукой сняло.

— Вот же гадство... Как же это вышло?

Цинъянь вздохнул и начал рассказ о том, как его погубили.

— В феврале прошлого года я отправился на уездный экзамен. Со мной из города поехали ещё трое туншэнов. Среди них был некто Чжан Шицю, мой ровесник. Он всячески искал моего расположения, и вскоре мы стали друзьями. Его семья жила в бедности, и в уезде он не мог позволить себе арендовать комнату — ютился в дешёвых ночлежках на общих нарах. Видя, как ему тяжело учиться в таких условиях, я пригласил его к себе. Мы вместе читали, упражнялись в каллиграфии, вели беседы...

В глазах Цинъяня потемнело от нахлынувших воспоминаний.

— Но счастье было недолгим. В один прекрасный день я понял, что этот человек нечист на руку — он начал подворовывать мои вещи и закладывать их. У меня была плитка отличной хуэйской туши, подарок четвёртого дяди. Я берёг её для особых случаев, а он заложил её за триста вэней.

Об этом прознал дядя Чэнь и хотел тут же выставить его за порог. Но Чжан Шицю пал на колени, обливаясь слезами: божился, что у него совсем не осталось денег, и только нужда толкнула его на этот путь. Он умолял простить его в последний раз. Я тогда был слишком доверчив. Думал, что найти друга непросто, да и беда невелика... Выкупил тушь и простил его.

Оставшиеся две недели мы продолжали занятия. Он вёл себя как ни в чём не бывало, называл меня братом. А в день уездного экзамена мы вместе отправились в испытательные кельи...

Тело Чэнь Цинъяня начало мелко дрожать. Ван Ин крепко сжал его руку, уже догадываясь о финале.

В тот день они стояли в очереди на досмотр. По иронии судьбы Цинъянь оказался последним. Те, кто был перед ним, успешно прошли проверку. Но когда очередь дошла до него, стражники внезапно задержали юношу. При обыске из бамбуковой трубки его кисти вытащили листок бумаги, на котором иероглифами размером с рисовое зернышко были выписаны цитаты из «Четверокнижия»...

Для Цинъяня это было подобно удару грома среди ясного неба. Никто не желал слушать оправданий. В итоге его лишили права сдавать экзамены, и этот путь был закрыт для него навсегда.

Он не помнил, как вышел из ворот. Вся его жизнь в одно мгновение превратилась в пепел. Вернувшись домой, юноша слёг в горячке. Двойной удар — по телу и по духу — оказался слишком сильным. Не раз он всерьёз задумывался о том, чтобы наложить на себя руки.

— Это Чжан Шицю подсунул бумажку?

— Больше никому. В то время только он имел доступ к моим вещам.

Ван Ин смотрел на побледневшего собеседника, и сердце его сжималось от сочувствия. Будущее талантливого учёного было растоптано подлецом. Немудрено, что болезнь так подкосила его.

— Твоя матушка знает об этом?

Цинъянь покачал головой.

— Я никому не говорил. Даже дядя Чэнь пребывает в неведении. Все думают, что я слёг от горя, не выдержав провала.

Цинъянь думал, что об этой позорной тайне будет невыносимо тяжело говорить, но слова лились легко. Камень, годами давивший на сердце, начал понемногу сдвигаться.

— И ты даже не пытался призвать этого мерзавца к ответу?

— Он бы никогда не сознался, — горько усмехнулся Цинъянь. — К чему лишний раз выставлять себя на посмешище?

— Ну и пусть. Не вышло с чинами — займёмся чем-нибудь другим. Ты ведь хотел открыть частную школу? Я помогу тебе найти подходящее место. Если выучишь пару будущих цзюйжэней — это будет отличная месть судьбе.

— Хорошо...

В ночной тишине повисло неловкое молчание. Цинъянь внезапно отдернул руку.

— Время позднее. Спи уже.

— Угу.

Незаметно лето подошло к концу.

В седьмом месяце наступила осень. Днём всё ещё припекало, но утренние и вечерние часы

приносили желанную прохладу.

Чэнь Цинъянь быстро шёл на поправку. Он уже мог, опираясь на край кровати, самостоятельно спускать ноги на пол, хотя в коленях ещё не хватало сил — через пару шагов ему приходилось садиться и переводить дух. После долгого неподвижного лежания мышцы ослабли, и чтобы снова ходить и бегать, как прежде, требовались месяцы тренировок.

Госпожа Ли, видя, как сын воспрянул духом, не знала границ своей радости. Её любовь к Ван Ину росла с каждым днём.

И лишь сам Ван Ин был мрачнее тучи. Причина была проста: в доме катастрофически таяли деньги!

С тех пор как он в последний раз проверял казну, прошло едва ли десять дней, а от шести гуаней осталось всего несколько сотен вэней. Глядя на долговую книгу, Ван Ин чувствовал, как начинает ныть голова.

Недаром говорят: не ведаешь цен — не хозяйничай. С тех пор как госпожа Ли передала ему ключи от кладовой, она совершенно перестала следить за расходами. Весь её день состоял из чтения книг, вышивания да поездок в храмы вместе с приятельницами, где она при каждом удобном случае жертвовала «на благовония».

За завтраком Ван Ин не выдержал:

— Матушка, позвольте спросить: вы позавчера брали из ларя две гуани. На что они пошли?

Госпожа Ли, словно напроказивший ребёнок, принялась теревить платок.

— Я... я пожертвовала их монастырю, на благовония...

— Две гуани за один раз?

Стоявшая рядом матушка Тянь тут же поджала губы, выказывая недовольство.

— Подумаешь, две гуани! Не ваши деньги тратим, чего ради шум поднимать? И где это видано, чтобы младшие отчитывали старших? Сразу видно — деревенский гэ'эр, никакого воспитания!

— Матушка Тянь, ну не надо так... — попыталась вмешаться госпожа Ли.

Ван Ин с шумом захлопнул книгу и бросил её на стол.

— Гляжу, вы у нас мастер тратить чужое. Что же, может, сами возьмётесь за ключи? Посмотрим, как вы прокормите этот дом на то, что осталось!

Матушка Тянь поперхнулась словами и недовольно буркнула:

— Госпожа доверила вам дом из милости, а вы, видать, не по сеньке шапку взяли.

— Матушка Тянь, замолчи! — голос госпожи Ли дрогнул от гнева. Обычно мягкая и покладистая, она ещё никогда не была так рассержена.

Тянь даже отпрянула.

— Я же только о вашем благе пекусь...

— Знаю я твоё «благо». Но Ин-эр управляет домом с моего позволения, и он имеет полное право спрашивать о расходах.

Ван Ин смягчил тон:

— Матушка, я вовсе не против того, чтобы вы искали утешения в молитвах. Но посмотрите на наши дела: Цинъяню нужны лекарства, Цинсуну — книги и кисти, а ещё всем нам нужно что-то есть каждый день. Деньги с полей придут еще не скоро, а в закромах уже пусто.

— У меня... у меня есть приданое. Возьми, если нужно...

— Приданое тоже не бесконечно. А как же Цинъюнь? Неужто вы хотите, чтобы она когда-нибудь вышла замуж с пустыми руками?

Только сейчас госпожа Ли осознала, что её траты действительно были неуместны. Годы жизни в достатке приучили её сорить деньгами, а привыкать к бережливости было ох как непросто.

— Больше я не поеду в монастырь. Матушка Тянь, откажи всем, кто пришлёт приглашения.

— Госпожа!

Ван Ин понимал, как тяжела жизнь женщин в этом мире, и не хотел лишать её этой радости.

— Если вы хотите молиться Будде, почему бы не поместить небольшую статуэтку бодхисаттвы в нашем доме? Можно устроить молельню здесь и приглашать подруг к себе. Пучок благовоний стоит всего десять вэней — даже если жечь их день напролёт, за год не потратишь и доли того, что уходит на поездки.

Лицо госпожи Ли просветлело.

— А ведь ты прав! Через пару дней велю съездить на гору и привезти святой образ для домашнего алтаря.

Никто не заметил, как в углу потемнело лицо матушки Тянь. Её взгляд, полный скрытой злобы, на мгновение остановился на Ван Ине — в нём читалась тихая, ядовитая ненависть.

<http://bllate.org/book/15812/1423746>